

В. С. ЯНОВСКИЙ

Общее дело

Почему о Федорове не пишут? Даже профессиональные литераторы, еженедельно строчащие статьи — и о второстепенном и третьестепенном, — никогда или почти никогда о Федорове не заикались. Это очень симптоматично: о первостепенном, главном, трудно писать, а о сверхстепенном — совсем невозможно. Руки опускаются от страха — исказить, опростить; чувствуешь значительность каждой мелочи — и боишься чрезмерной ответственности. Этим, вероятно, объясняется формальная «неудача» Федорова, самого оригинального русского мыслителя. Его «записку» от неученых к ученым («Вопрос о братстве или о родстве, о причинах небратского, неродственного, т. е. немирного состояния мира и о средствах к восстановлению родства») в отрывках читали еще Достоевский¹, Соловьев, Толстой. Но отделялись как-то по школьному: писали ему восторженные письма, порицали «детали» (уговаривали отказаться от воскрешения мертвых²). В их же творчество, в их сознание Ф. не вошел (осязательно): как будто они все откладывали «это» на более зрелое, на спасительное — потом.

Федоровское «дело» до сих пор еще не напечатано целиком: даже не известно, какая часть издана — двадцатая или десятая. Одни объясняют это тем, что нельзя еще всего обнародовать — не доросли, — другие отмалчиваются. Ученики же его на каждую страницу Ф. издали, примерно, по собственной брошюре, гладко строя плоскую систему (Ф. боялся «систем»). Мне случалось встречать людей равнодушных к Ф. (это чаще всего люди «дореволюционного» склада), но большинство из них ознакомились с «общим делом» не по Ф., а — по его ученым ученикам. Платона же своего Федоров, видимо, еще не имеет.

А между тем федоровские идеи таинственным, иррациональным путем проскользнули в самую гущу (подчас) жизни, живут (неосознанно) во множестве людей, довлеют им. Нет-нет, в любой «глуши», в любом зале, да мелькнет Ф. Встречаются энтузиасты

Ф. (это особый психологический тип), они часто совсем его не читали и все же в целом «знают» его: так намагничены поля Ф., такой явственной аурой он окружен.

Учениками Ф. оказались и большевики. Пятилетка — куца, оскопленная федоровская идея.

Плановую борьбу со смертью можно начинать только в братстве! «Они умерли, а мы остались: значит, мы их недостаточно любили. Они умерли потому, что мы их недостаточно любили». Бог не может хотеть смерти. Смерть есть следствие, завершение отсутствия любви. Отсюда федоровское «братство сынов для воскрешения умерщвленных отцов». Братство, построенное по образу Св. Троицы: нераздельной и неслиянной. Всемирная армия, планомерно борющаяся со слепыми, косными силами природы. Армия, сражающаяся не за страх, а за совесть, потому что решается вопрос личного бессмертия и воскрешения личных отцов и «дядей». Основа смерти в небратском состоянии мира. Общими усилиями братьям нетрудно обуздать, «повернуть» стихийные силы природы. Это они медленно и неуклонно работают на смерть и на распад. Но если иначе «поставить паруса», то эти же косные силы начнут работать ежесекундно на воссоздание, на воскрешение.

В каждом из нас жива хоть одна «клетка» ушедших предков. И как одной искры достаточно, чтобы раздуть пламя, так этой «клетки» достаточно, чтобы «раздуть» умерщвленного. И если постигшие истину занимаются определенным делом, то всякий, занимающийся этим делом, — постигает истину: такова метафизика общего (правого) дела и действия. Вся жизнь превращается в дело воскрешения (других дел нет); литургия, наконец, выносится за пределы храма — обнимает всю жизнь. И почтальон, вручающий письмо адресату, принимает участие во внехрамовой литургии: потому что и письмо это будет так или иначе связано с делом воскрешения. Бог свершит все обещанное — руками преображенных любовью людей. На этой земле все сомкнулось в порочном круге истребления. «Я убиваю себя, чтобы не убивать других» (предсмертная записка Вейнингера). Одно пожирает другое, одно произрастает из другого, новое поколение выпирает старое — отцов. Вся земля уже повторенный трупный прах. Нужно порвать эту цепь, уйти с этого кладбища, перейти на другие планеты — не оскверненные смертью. Естественно, что, в противоположность многим, Ф. думает, что наша техника — еще детский лепет, что она направлена на губительный вздор, что ее нужно стимулировать под определенным углом. Некоторые публицисты специализировались на канадской пшенице и на бразильском кофе. Действительно: топят, сжигают. Но подсчитал ли кто-нибудь, что получится, если 300 миллионам индусов и 400 миллионам китайцев дать хлеба досьга: по полтора фунта на человека, — и ежедневно? Надолго ли

хватит канадской пшеницы? А бразильское кофе? (кстати, к нему кажется, полагается сахар). А если на сегодня и хватит, то ведь один неурожай — ливни или засуха — может все изменить. А в отношении регуляции погоды после зонтика человек еще ничего не придумал. Горожанин не чувствует своей зависимости от стихийных, слепых сил природы, но в поле они господствуют всецело. Мысль Ф., в *моем* ощущении, следующая. Весь наш пресловутый технический прогресс касается предметов роскоши. Мы в состоянии одеть весь мир в шелковые чулки и снабдить его презервативами. Но предметов первой необходимости (хлеба, здоровья, жизни) мы дать не можем. А бесплановая наука и промышленность, толкаемая разрозненными, эгоистическими интересами, ничего, кроме раздора, дать не сможет. Эта конкурирующая промышленность «шелковых чулков» рождает войны и революции; ее же родила — похоть. Ценный для творчества сексуальный момент, очищенный от похоти, Ф. направляет на другое: вместо смертоносного зачатия — воскрешение отцов. Главное зло не социальное, а биологическое: смерть и ее производные. Братство и единство поколений: молодых и старых, живых и умерщвленных — вот новые «космические» лозунги, с которыми суждено встретиться российскому максимализму.

